

Растоптанные надежды

Яреци Фернандез

Прошло три дня. Все это время Яреци старалась как можно меньше показываться мужу на глаза, но при этом старалась выполнять всю работу по дому. Потому что это была ее обязанность. Она должна была приготовить завтрак мужу и дочери, потом убраться, помыть полы, приготовить обед и ужин. И сидеть рядом с Тору, когда он кушал. Сама она так и не могла ничего есть, ей просто не хотелось. Ей было очень плохо, ночами ее душили рыдания, а утром подушка была мокрая от слез. Но она не имела никакого права жаловаться или что-то говорить. В произошедшем была полностью ее вина, и она боялась, что если что-то скажет или сделает, Тору разозлится и выгонит ее. Она старалась не попадаться ему на глаза и делать вид, сто ее не существует. Трудно сказать, кто из них начинал разговор первым, но этот разговор не имел никакого смысла. Они перебрасывались однотипными фразами, ничего не значащими. И заканчивали разговор так же внезапно, как и начинали. То она ему скажет, что на улице прохладно и надо одеться потеплее, то он скажет, что заберет Кимико и пойдет с ней гулять.

Вот Кимико будто и стала камнем преткновения. Яреци будто боялась находиться рядом с дочерью. Она боялась, что сделает что-то не так, она боялась, что причинит ей боль. И она постоянно плакала. При дочери, когда была одна в гостиной, на улице. Не плакала только при Тору, боясь, что он разозлится. Он злился, и он был прав. Он всегда был прав. И она понимала, что никогда больше не сможет вернуть все, что было. Не сможет вернуть в его сердце спокойствие и счастье.

В тот день он сказал, что хочет взять Кимико. Он не сказал, куда ушел. И не сказал, когда вернется. Яреци убиралась в доме и увидела альбом с фотографиями со свадьбы. На них были все, кроме одного человека. Там были запечатлены лица папы, Тору, его родни. Лицо Чиеко Мотидзуки, миссис Мотидзуки, как всегда Яри называла свою свекровь, было каа всегда непроницаемо, но, приглядевшись, девушка увидела легкую улыбку на ее лице, когда она держала Кимико на руках. Но нп было одного человека.

Лауры Фернандез, в девичестве Агирре. Любимой мамы. Последний раз Яреци разговаривала с ней, когда узнала о беременности. В начале июня два года назад. Два года она не общалась с мамой. Она общалась с папой, с дядей. Но мамы не было. И это сейчас ее тяготило.

Она отложила альбом и закрыла лицо руками. Из груди вырвался стон, а потом ее грудную клетку стали рвать рыдания. Но она не могла дать своим чувствам всю волю. Сильное напряжение было в ее душе.

Она немного успокоилась и вышла из дома, так и не закончив уборку. Она была уверена, что Тору это не понравится и он будет недоволен. Но она все-таки ушла.

Ноги привели ее к дубу. К огромному дубу, у которого началась их история. Его история. Неужели она так скоро закончится? Яреци ударила кулаком по стволу дуба, потом ещп раз, уже другой рукой, и прислонилась к нему. И заплакала. А потом

спустилась по нему на землю, опустилась на колени и застонала. Было очень больно. Неужели это конец всему? Неужели она действительно причиняет всем страдания? Неужели она не смогла подарить то счастье своему любимому, которое он заслуживает?..

Тору Мотидзуки

С того момента как Яреци сообщила о своей к нему ненависти и оправилась в неизвестном направлении, даже не посмотрев в сторону Кимико, прошло уже несколько дней, похожих один на другой своей беспросветной тоской, царящей в их доме. Они так толком и не обсудили произошедшее, и в тот же вечер Тору перебрался на диван в другую комнату, не находя в себе ни желания, ни сил притворяться хорошим мужем, да и мужем вообще. Пока он плохо себе представлял, к чему может привести столь очевидный раскол в их отношениях, но одно было неоспоримо - на этот раз он не собирался закрывать глаза на поступок женщины, которой некогда всецело доверял, и списывать все на ее излишнюю эмоциональность.

Сегодня Тору почувствовал, что просто не может находиться в доме, атмосфера которого давила на него и не давала нормально расслабиться, поэтому решил взять Кимико и отправиться на прогулку. Судя по довольному бормотанию, дочка не имела ничего против, поэтому он, достаточно быстро собравшись и не посчитав нужным давать Яреци отчет о своих точных планах, отправился в дикий парк, который полюбился ему с самого первого посещения. Какое-то время он просто бродил, показывая Кимико разные деревья и рассказывая всевозможные забавные истории из которых малышка, наверняка, ничего толком и не понимала. Но потом ноги сами понесли его в сторону дуба, возле которого он когда-то напоролся на Яреци, даже не представляя, к чему эта встреча суждено было привести уже через несколько месяцев.

Вот и на этот раз у дуба не было пусто. Рядом с ним на коленях сидела та, кого он сейчас совершенно не хотел видеть, заставляя его сердце сжаться от боли. И, как бы ее жалкий вид не брал за душу, Тору, вероятно, развернулся и пошел бы обратной дорогой, если бы Кимико не начала возиться на его руках и хныкать, пытаясь оказаться рядом с мамой. Поэтому ему ничего не оставалось, как подойти поближе и спустить ее на землю, немного завидуя ребенку, который был в состоянии моментально забывать все плохое и просто любить, не задумываясь о тяжести чужих проступков.

Яреци Фернандез

С матерью она так и не разговаривала. Нет, один раз был. Мама ей позвонила, а потом пришёл к ней домой папа. Тогда мама вроде бы говорила, что нужно вернуться в Испанию, отдать ребёнка Тору и вернуться к ней. Но она любила Тору. Она любит Тору. Она не может просто так отказаться от Кимико.

Или она уже отказалась от неё и от него? Неужели она больше никогда не сможет сделать их счастливыми?

Она плакала. Горько и безутешно. Она боялась, что кто-то её сейчас увидит. Она не хотела никого видеть. но у неё сейчас не было просто сил куда-то уйти. У неё не

было желания двигаться и что-то делать, но она понимала, что нужно вернуться домой, желательно до прихода Тору и дочки, чтобы закончить уборку и спрятаться в гостиной, чтобы никому не мешать. Только проследить, чтобы Тору и Кимико поели, потом уложить дочку спать, пожелать Тору спокойной ночи. Смотреть, как он спит, подглядывая через щёлку в двери, слушать его ровное дыхание. И стараться не шевелиться, чтобы не разбудить его.

Но нет. Вместо того, чтобы вернуться домой и продолжить уборку дома, она плакала у дуба. У дерева, у которого началась и, возможно, закончилась их история. Неужели это будет конец? Неужели они больше никогда не будут вместе? Неужели она должна отдать Кимико Тору, чтобы малышка никогда ни в чём не нуждалась? Хочет ли она этого? Нет, она не хочет, чтобы Кимико росла без матери. Она знала, что семья Мотидзки никогда не бросит ребёнка в беде, она была уверена, что они воспитают из неё достойного члена общества, но хотела ли она сама этого? Нет, она боялась. что так будет. Она боялась, что при таком раскладе никогда больше не увидит её. А она могла всё потерять.

А вдруг Тору взял Кимико и уехал с ней в Пекин, оставив её одну и не желая больше никогда её видеть? Вдруг она вернётся сейчас в пустой дом, где больше никогда не раздастся смеха дочки, такой маленькой, беззащитной и любимой, которая никогда не должна страдать из-за её ошибок.

Но вдруг послышалось ворчание дочери, и девушка зажмурилась и сильно сжала руку в кулак, зачёрпывая землю и царапая корни дерева. Она испуганно открыла глаза и увидела дочку, которая шла к ней. Чуть поодаль стоял Тору, и она сильно вздрогнула. Сердце пропустило удар, и она зажмурилась и вся как будто внутренне сжалась, будто боясь., что он будет её ругать за то, что она ушла, не сделав всю работу по дому.

Кимико подошла к ней и улыбнулась той самой очаровательной улыбкой, которой улыбаются все дети. Яреци почувствовала, как по щекам текут слёзы, и сильно задрожала. Они не уехали, они остались с ней. С этой психованной истеричкой, которая умеет всё только портить и разрушать. Она не знала, что делать, но неосознанно обняла дочку и прижала её к себе. Рыдания снова её накрыли, и она зажмурилась и до крови закусил губу, прижимая к себе маленькую дочку.

Тору Мотидзуки

Тору уже не впервые приходилось слушать безутешные рыдания жены, и каждый раз это было безумно тяжело, поскольку где-то в глубине души он испытывал чувство вины из-за того, что не смог оградить свою женщины от тяжелых событий, доставляющих ей страдания. Но сейчас все изменилось, и пусть рыдания Яреци отдавались болью в его груди, он не испытывал обычных угрызений совести, четко понимая, что не мог сделать в той ситуации ничего, способного как-то изменить нынешнее положение вещей.

- Не реви так, ребенка напугаешь, - его голос был практически лишен эмоций. - Он не собирался мешать Кимико общаться с матерью или отбирать у Яреци дочку, хоть она и показала себя в качестве совершенно безответственной матери. Тору прекрасно понимал, что она любила Кимико и не собирался издеваться над

своей малышкой, не давая ей находиться с самым значимым для нее человеком. Пока, конечно, ему в голову не закрадывались подозрения, что нечто, подобное случившемуся, может повториться.

Но если с детско-родительскими отношениями все было относительно понятно, то вот с супружескими дело обстояло намного хуже, и Тору пока не был уверен в своей готовности принимать Яреци в качестве своей жены, а не только матери своего ребенка. В ее присутствии он начинал чувствовать себя неуютно и, впервые за время их отношений, не испытывал к ней физического влечения, предпочитая ограничивать даже случайные касания, которые нередко случаются у людей, так или иначе встречающихся на одной территории.

Яреци Фернандез

- Прости, - прошептала она, всеми силами стараясь успокоиться. - Прости меня, пожалуйста, я... я сильно люблю тебя, я не хотела тебе причинять боль. Прости меня, что я подвергла тебя опасности. Я... люблю тебя...

Она, кажется, не слышала голоса мужа, обращаясь только к малышке, которая тоже начала плакать. Говорят, дети сильно чувствуют эмоции взрослых и не хотят их видеть, когда они слишком злятся, нервничают, ненавидят. И Яреци очень боялась, что не сможет наладить контакт с дочкой. С мужем контакт уже потерян.

Она чудовище. Она недостойна называться его женой. Она не имеет права быть любимой. Она несколько дней назад уничтожила всё, что ей было дорого. Она сильно зажмурилась и силой воли отстранила от себя малышку. Потом посмотрела на неё. Кимико выглядела испуганной, по щекам текли слёзы. Она ласково и нежно стёрла слёзы с её щёк и поцеловала в лоб. Потом в щеку и в нос.

- Я люблю тебя. Я сильно тебя люблю. Я его сильно люблю. Позаботься о нем, пожалуйста. Он... - она осеклась и горько усмехнулась. Посмотрела на Тору. Хотелось сказать так много, но слова застряли в горле. Она просто молчала, глядя на него заплаканными глазами.

- Тору, я... прости, я не успела убратся... и не приготовила вам еду... прости, только... пожалуйста, не бросай меня. Не молчи, я прошу тебя. Кричи на меня, ненавижь меня, называй меня истеричкой, только... пожалуйста, не молчи. Я не буду у тебя просить прощения. Я знаю, что ты меня никогда не простишь. Я себя сама никогда не прощу, только пожалуйста... не забирай её у меня... я... ужасная мать, безответственная, ничтожная. Я чуть не убила её, я уничтожила всё, что мне было дорого. Я уничтожила твою любовь. Я...

Она дала в очередной раз волю чувствам, только на этот раз убедилась, что дочка заинтересовалась каким-то жучком, ползущим по корню дерева. Яреци не кричала, не плакала. Она просто старалась говорить сухим тоном и голосом, чтобы не вызывать у любимого чувство отвращения или жалости. Она хотела, чтобы он просто поговорил с ней. Что-то сказал, пусть не самое приятное, пусть подтвердил бы, что она характером похожа на свою мать, что он её ненавидит. Но это сухое молчание... оно сильно давило на сознание.

- Пршу, забери меня отсюда... я боюсь... боюсь причинить кому-то боль, разрушить всё... я... мама мне правильно сказала, что вместо монастыря мне надо было лечь в какую-то больницу. Я... мне страшно... - она закрыла лицо руками и сильно задрожала.

Тору Мотидзуки

На его просьбу Яреци никак не отреагировала, продолжая пугать малышку и, в какой-то момент, он хотел просто забрать Кимико и унести домой, чтобы дочка могла хоть как-то успокоиться, но, в конце концов передумал. Связь матери со своим ребенком в таком возрасте была очень сильна, и любая попытка разорвать ее насильственным путем до добра не доводила. Поэтому Тору решил просто немного подождать и среагировать только в том случае, если его вмешательство станет необходимым.

Какое-то время он слушал плохо связанные слова Ярецы, сначала обращенные к Кимико, а потом к нему самому и пытался представить, сможет ли просто на все плюнуть и забыть, сгрести, как это обычно бывало, жену в свои объятия, назвать дурочкой и пообещать в следующий раз ее прибить... Но картинка благополучного и счастливого разрешения проблемы ускользала столь же быстро, как и появлялась, давая понять, что пока он не готов забыть обо всем произошедшем.

- Я не собираюсь забирать у тебя дочь или выгонять из дома, - наконец решился прервать он молчание. - Я знаю цену клятвам, готовые давал во время венчания. Но пока не уверен, что мы сможем жить так же, как и раньше.

С учетом того, что он не был готов даже делить с Яреци одну постель, приходилось признать необходимость введения некоторых новых правил их совместного сосуществования, которые еще, правда, стоило сформулировать, прежде чем предлагать жене для ознакомления.

- Мы уедет отсюда через несколько дней, как и планировали. Но, Яреци, твои проблемы никак не связаны с монастырем или магией. И мне очень жаль, что ты до сих пор так этого и не поняла.

Кимико притихла, переключив свое внимание, как это нередко бывает с маленькими детьми, на что-то не имеющее отношение к страданиям матери. И Тору немного успокоился, понимая, что хотя бы дочка не чувствует сейчас того дискомфорта, что он сам и его эмоциональная и склонная к необдуманным поступкам жена.

Яреци Фернандес

Ей казалось, что тору злился. Он не мог не злиться, так как со стороны её слова казались лишёнными не только смысла, но и рассудка. Может, мама тогда была права, несколько лет назад, что ей место не в каком-то монастыре, а в психиатрической клинике? Может у неё действительно проблемы с головой, и никакая магия здесь ни при чём? Да, наверное, так и есть - у неё проблемы с головой. Потому что только идиотка и безмозглая курица сможет куда-то потащить ребёнка, а только последняя тварь, как это ни жестоко звучит, может оставить своего ребёнка в опасности. Она сильно вздрогнула, представив, что было бы, если бы Маркус не смог её спасти. Наверное... нет, представлять это не стоит.

- С головой? Мои проблемы связаны с головой? Я... помоги мне, пожалуйста. Я боюсь, Тору... боюсь, что... - Она снова закрыла лицо руками и сильно задрожала. Она старалась подавить в себе всхлипы, она глотала слёзы. Ей было очень страшно и холодно. Она хотела встать с земли и броситься к Тору. Она не знала, почему не стала это делать. Наверное, сейчас ему неприятно находиться с ней рядом? Наверное, надо просто принять это и понять? Просто встать, стереть слёзы и уйти домой, чтобы приготовить ему и дочке что-то поесть. Чтобы посидеть в гостиной рядом с ними и посмотреть, как малышка играет с ним.

Она хотела сказать ещё много чего, но голова стала болеть. Она отняла руки от лица и постаралась встать. Сильно закружилась голова, и она зажмурилась и застонала. Нужно пойти домой и приготовить что-то поесть. А потом ночью дать волю слезам и чувствам. Продолжить себя загонять в могилу...

Тору Мотидзуки

Первым желанием Тору было ответить на слова Яреци, что проблемы у нее действительно с головой, только вот она опять начала бы придумывать себе всевозможные психические заболевания, снимая с себя, тем самым ответственность за свои поступки. Ведь что возьмешь с сумасшедшего? Он ведь просто болен и не может себя контролировать. А значит, его нужно холить, лелеять и прощать, даже если он вытворяет что-то совершенно непотребное.

- Проблема у тебя не с головой, а с воспитанием и внутренней дисциплиной, - усталым голосом ответил он. - Ты просто очень легко поддаешься эмоциям и совершенно не задумываешься о последствиях совершаемых тобой поступков и, что самое обидное, о том, как это может отразиться на окружающих тебя людях. Но в этом есть и моя вина, поскольку я всегда принимал черты твоего характера, над которыми следовало поработать, как данность, вместо того, чтобы стимулировать тебя над ними работать.

Тору видел, что Яреци опять загнала себя в полуневменяемое состояние, в очередной раз примеривая роль жертвы и страдальцы, вместо того, чтобы сделать правильные выводы и постараться исправить свои ошибки. Но сейчас он очень четко начал осознавать то, чего не замечал раньше, поэтому находил в себе силы не поддаваться на произвольную манипуляцию со стороны девушки.

- Если хочешь встать - вставай. - В другое время он опустил бы, заключил жену в объятия и помог ей подняться, но сейчас решил отделаться только протянутой рукой, за которую она могла ухватиться. Естественно, он не собирался бросать ее в таком состоянии одну, но и нянчиться тоже не планировал, понимая всю вредность подобных действий.

Яреци Фернандез

Яреци закрыла глаза и вся внутренне сжалась. Тору был прав. Он всегда был прав. Она всего лишь жалкая психованная истеричка, которая не имеет никакого права жаловаться и делать что-то для себя. Она должна подчиняться мужу, делать все для его комфорта. Она должна идти за мужем. Нужно просто принять это. И никогда больше не разговаривать. Нужно оставить всех своих друзей в прошлом. Хотя какие

у нее могут быть друзья? Все друзья остались в России, она с ними больше не виделась. А здесь... только Дарсия, которая уже никогда не станет ее подругой. Потому что она уничтожила дружбу, втоптала в грязь. Она уничтожила все.

Тору протянул ей руку, и она побледнела и вздрогнула. Она хотела взяться за его руку, она хотела броситься ему на шею, но ведь это неправильно. Он не хочет ее прощать, он вообще не должен это делать, и она должна делать все, чтобы его жизнь была спокойна и размеренна.

Мимо Кимики пролетела бабочка, и девочка встала на ноги и побежала за ней. Правда, на третьем шаге она споткнулась о корягу и упала, ударившись коленкой о какой-то камешек.

Яреци сильно вздрогнула от плача дочки и сглотнула. Ей показалось, что это она была виновата, что дочка упала. Она не следила за ней и снова подвергла ребенка опасности. В первую секунду ей захотелось снова убежать. Навсегда. Но она взяла себя в руки и начала вставать. Сильно болела голова, и в момент очередного спазма, когда показалось, что мир начинает терять привычные очертания, она схватилась за руку Тору. Потому что если бы вместо руки была ветка или еще что, она бы схватилась и за это.

- Спасибо, - прошептала она, не желая убирать руку. - Я... прости меня за эту истерику. Я постараюсь справиться со всем. Спасибо, что ты все еще есть со мной.

Она хотела прижаться к нему и обнять его, но вместо этого отпустила его руку и подошла к дочке, которая жалобно всхлипывала и терла коленку. Опустилась около нее на колени. Сначала хотела посмотреть ее ауру, но решила не пользоваться скудными навыками.

- Это всего лишь небольшой ушиб, скоро пройдет, - ласково сказала она и нежно поцеловала коленку. - Погуляй еще немного с папой, хорошо? А я приготовлю вам что-нибудь. Я... Тору, ты... не против?

Она поцеловала дочку в щеку и посмотрела на мужа. Встала на ноги и вздохнула. Нужно отправиться домой и продолжить уборку. Но она не могла сдвинуться с места. Она понимала, что уже не вправе считаться частью его семьи, но... Надо просто сделать хоть один шаг. Хоть один маленький шагочок. Почему это так тяжело?

Тору Мотидзуки

Кимики часто шлепалась, поскольку ходить научилась не так давно, но Тору не видел в этом ничего страшного. Любой новый навык требовал постоянных тренировок, и, прежде чем им овладеть, что ребенок, что взрослый нередко делали ошибки. Поэтому, когда дочка упала и поранила коленку, он отреагировал спокойно, в отличие от Яреци, чье лицо разве что не посерело от страха. Похоже, она тут же вспомнила о недавних событиях и своей безответственности, и Тору, посчитав, что это не так уж и плохо, решил ничего не комментировать. А вот когда девушка все же зацепилась за его руку, сохранять спокойствие стало намного сложнее. Его словно прострелило, хоть касание было совсем небольшим и недолгим, поэтому он даже обрадовался, когда Яреци отпустила его руку и отправилась успокаивать Кимики,

демонстрируя, что большую часть времени из нее выходила заботливая и любящая мать.

- Яреци, - негромко произнес он, проскальзывая взглядом по ее лицу. - Ты не обязана готовить или убираться. Я вполне могу решить этот вопрос сам. В конце концов, здесь есть столовая в которую всегда можно сходить.

Он не желал видеть, как жена начинает привычный сеанс самоуничтожения, который не приведет ни к чему хорошему. Жить рядом с человеком, который постоянно ревет и впадает в истерику, было вредно как для него самого, так и для Кимико. Притом, последнее волновало его намного больше.

- Пойдем домой. Думаю, здесь все нагулялись.

Он подошел, взял Кимико на руки и, больше не глядя на Яреци, развернулся и отправился в сторону дома из которого еще недавно стремился уйти куда подальше. Как бы ему не хотелось сбежать от реальности, это было бессмысленно, поскольку основная проблема находилась внутри него самого, что он сейчас и осознал настолько четко, насколько это было возможно.
